

Кершенштейнер Георг

О характере и его воспитании

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г36

Г36   **Георг К.**
О характере и его воспитании / Кершенштейнер Георг – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 88 с.

ISBN 978-5-519-88919-3

ISBN 978-5-519-88919-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чено. Онъ представляетъ изъ себя такое устойчивое душевное состояніе, при которомъ всѣ акты воли опредѣляются прочно вкоренившимися принципами, соответствующими нравственному закону даннаго времени. Моя задача состояла въ томъ, чтобы изслѣдовать, какой комплексъ психическихъ силъ долженъ имѣться на лицо въ качествѣ опредѣленныхъ задатковъ для того, чтобы вообще могъ развиваться какой-нибудь характеръ. Далѣе, выяснивъ этотъ комплексъ силъ, я постарался опредѣлить направление, котораго должно придерживаться воспитаніе въ семьѣ и въ школѣ, а также и самовоспитаніе, чтобы съ успѣхомъ содѣйствовать образованію характера; ибо далеко не всѣ обладаютъ столь гармоничнымъ сочетаніемъ задатковъ, чтобы явиться автодиктатами въ области характера.

Когда я, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, выпускалъ въ свѣтъ свою книгу «о государственно-гражданскомъ воспитаніи германской молодежи», мнѣ было ясно, что всѣ наши нѣмецкія общественныя школы должны удѣлить образованію характера несравненно больше вниманія, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь. И когда я въ теченіе своей дѣятельности стремился придать начальнымъ и дополнительнымъ школамъ города Мюнхена тѣ формы, которыя я въ январѣ 1908 года, въ Цюрихѣ, опредѣлилъ какъ школу труда, то мои стремленія опять таки были направлены къ тому чтобы сдѣлать эти школы для массъ школами образованія характера. Такимъ образомъ, изслѣдованіе понятія характера, вмѣстѣ съ двумя другими, изслѣдованіями понятія гражданско-государственнаго воспитанія и понятія школы труда составляютъ постольку одно цѣлое, поскольку они выросли одно изъ другого, и результаты каждаго изъ нихъ важны также и для двухъ остальныхъ.

Мюнхенъ. Рождество, 1911.

Г'. Кершенштейнеръ.

I. Значенія слова характеръ.

Со словомъ «характеръ» мы издавна связываемъ различные понятія. Въ своемъ первоначальномъ греческомъ значеніи, какъ отличительный признакъ ¹⁾, оно употребляется нами прежде всего въ естественныхъ наукахъ. Мы говоримъ о характерѣ печеночнаго моха, силикатовъ, млекопитающихъ животныхъ, лошадиныхъ и собачьихъ расъ и называемъ отдѣльныя слагаемыя характера характерными признаками предмета. Въ этомъ случаѣ сумма характерныхъ признаковъ уже опредѣляетъ собою характеръ. Ею вполне точно опредѣляется сущность данной вещи.

Въ томъ же смыслѣ говоримъ мы о характерѣ архитектуры, музыки, ландшафта, погоды, должности, сословія. Только признаки здѣсь въ общемъ менѣе точны и исчерпывающы, такъ что характеръ часто является для насъ неопредѣленнымъ, или во всякомъ случаѣ не столь рѣзко очерченнымъ.

Въ обоихъ случаяхъ, однако, отдѣльные признаки или черты характера, вызывающіе тотъ или иной логическій выводъ, являются непосредственными составными частями характера.

Иное значеніе получаетъ это слово въ томъ случаѣ, когда мы говоримъ о характерѣ воспитаннаго человѣка. Это то устойчивое душевное состояніе, при которомъ каждый актъ воли неуклонно опредѣляется прочно вкоренившимися принципами или максимами ²⁾. Если эти принципы согласуются съ современнымъ кодексомъ нравственности, мы называемъ характеръ нравственнымъ; если не согласуются, мы имѣемъ дѣло съ безнравственнымъ или этически индифферентнымъ характеромъ.

Форма ³⁾ характера зависитъ здѣсь такимъ образомъ отъ свойства максимъ, управляющихъ волею. Совершенные въ этомъ смыслѣ характеры являются психологическими идеалами. Даже самый лучшій характеръ всегда будетъ лишь асимптотическимъ приближеніемъ къ этому образцу. Ибо постоянная способность души признавать безусловными повелителями самостоятельно выработанные или сообщенные другими принципы, должна быть завоевана въ вѣчной борьбѣ съ нашей прирожденной натурой. «Ни одинъ характеръ не заключаетъ гарантіи самъ въ себѣ, но каждый поддерживается волей, направленной на то, чтобы въ каждомъ случаѣ и въ каждый моментъ характеръ являлся вполне сложившимся. Чѣмъ чаще это воля должна

напоминать о себѣ, тѣмъ больше незаконченнаго въ характерѣ... Чѣмъ дальше пошло развитіе переплетающихся другъ съ другомъ максимумъ, тѣмъ менѣе напряженной можетъ становиться сопровождающая воля. Конечно, ея сопутствіе не можетъ никогда совершенно прекратиться, ибо простая привычка къ самообладанію ни въ коемъ случаѣ не обезпечиваетъ насъ отъ неожиданныхъ вліяній аффектовъ или отъ коварныхъ подходовъ медленно созрѣвшей склонности» ¹⁾).

Въ этомъ понятіи своеобразнымъ является то, что признаки, по которымъ мы заключаемъ о наличности моральнаго или имморальнаго характера, не являются сами составными чертами характера. Ибо мы выводимъ заключеніе о характерѣ человѣка изъ его видимыхъ поступковъ, т. е. отъ внѣшнихъ вещей заключаемъ къ внутреннимъ душевнымъ состояніямъ. Однако, дѣйствія столь же мало являются составными частями души, какъ и вращеніе динамо-машины составной частью проходящаго черезъ нее электрическаго тока. Дѣйствія могутъ даже вовсе не соответствовать дѣйствительной сущности души. Существуютъ такіе методы воспитанія, которые, примѣненные достаточно рано и достаточно послѣдовательно, могутъ у извѣстнаго рода людей, и при томъ какъ разъ слабо одаренныхъ въ волевомъ отношеніи, порождать привычки, не соответствующія истинному характеру даннаго человѣка, т. е. его внутреннему душевному складу и не вытекающія даже изъ какой-либо внутренней потребности. Дѣйствія, порожденные насильно вкорененными привычками, не являются въполнѣ безошибочнымъ отраженіемъ характера, хотя бы онѣ и повторялись регулярно въ теченіе годовъ. Послѣдующее развитіе можетъ привести къ постепенному исчезновенію привычныхъ дѣйствій; а мыслимы и такіе случаи, когда на какое-нибудь событіе человѣкъ реагируетъ поступкомъ, прямо противоположнымъ тому, чего можно было бы ожидать, судя по его прежнему поведенію. Мы говоримъ тогда, что «человѣкъ сталъ загадкой», или что «его характеръ измѣнился». Скорѣе можно сказать, въ такомъ случаѣ, что его истинный характеръ прорвался сквозь моральный или имморальный покровъ, наброшенный на него предыдущимъ воспитаніемъ. Повсюду, гдѣ привычки возникаютъ подъ вліяніемъ принужденія, мы не можемъ на основаніи привычныхъ дѣйствій съ увѣренностью дѣлать заключенія относительно характера. Гдѣ принужденію противостоитъ тайное, внутреннее отвращеніе къ тому, что вынуждается, тамъ легко можетъ образоваться лицемерная, чисто внѣшняя привычка, которая легко исчезаетъ, какъ только прекращается принужденіе. Отсюда вытекаетъ опасность, которая присуща всякому насилію въ области воспитанія, въ особенности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вопросахъ религіи и морали. Насиліе не только мѣшаетъ питомцу понять свою внутреннюю сущность и позднѣе построить на этомъ пониманіи свое самовоспитаніе, но и прежде всего обманываетъ воспитателя относительно возможностей и границъ его педагогической работы. Ибо эти возможности и границы зависятъ прежде всего отъ врожденнаго комплекса душевныхъ силъ, который опредѣляетъ

собой индивидуальность человека и который я обозначаю словом психо-физическій характеръ.

Изслѣдуя теперь понятіе психо-физическаго характера съ точки зрѣнія воспитанія, мы видимъ, что составляющій его комплексъ душевныхъ силъ распадается на двѣ части, различныхъ какъ по своему происхожденію, такъ и по своему отношенію къ воспитанію.

Одну группу силъ образуютъ элементарныя чувства, инстинкты, побужденія, аффекты, какъ они проявляются, не регулируемые высшими духовными функциями, сообразно нашей физической конституціи и, слѣдовательно, сообразно свойствамъ нервной системы, ея раздражимости и способности къ реакціямъ, сообразно заложеннымъ въ насъ низшимъ инстинктамъ, сообразно строенію вегетативныхъ органовъ и ходу ихъ дѣятельности, состоянію ассимиляціи и т. д. Есть философы, которые находятъ, что въ этихъ, почти исключительно физиологическихъ, задаткахъ и процессахъ и въ развивающихся изъ нихъ привычкахъ выражается истинная сущность человѣческаго характера. «Основу характера», говоритъ Рибо въ своей опубликованной въ 1892 году въ «*Revue philosophique*» работѣ, которой мы еще коснемся ближе, «составляютъ инстинкты, низшія побужденія, импульсы и чувства». Интеллектъ не является лежащимъ въ основѣ элементомъ. Представленія образуютъ лишь второй, расположенный сверху слой (*une seconde couche superposée*). Основной слой представляютъ изъ себя чувства и побужденія. «Внутреннюю сущность каждаго животнаго (*sic*) составляетъ хотѣніе въ смыслѣ Спинозы, воля въ смыслѣ Шопенгауэра, слѣдовательно чувства и дѣйствія, но не мышленіе». (Срв. «*Sur les diverses formes du caractère*», стр. 489).

Совершенно ясно, что называется здѣсь Рибо характеромъ. Однако, обозначеніе этого комплекса силъ словомъ «характеръ» могло бы повести къ недоразумѣніямъ. Ибо это слово, поскольку оно употребляется безъ дальнѣйшаго обозначенія, должно быть сохранено для понятія послѣдовательнаго поведенія, все равно моральнаго, имморальнаго или, наконецъ, аморальнаго. Однако, очевидно, что однѣ эти низшія, психическія силы не могутъ наложить прочнаго и постоянного отпечатка на образъ дѣйствія (исключенія составляютъ лишь тѣ чисто рефлекторныя машины, какими дѣлаются позвоночныя животныя, когда имъ вырѣзаютъ оба полушарія большого мозга). Еслибы у нормальнаго человека дѣло обстояло такимъ же образомъ, то не существовало бы никакой проблемы воспитанія характера. Такъ же ошибочно однако, отождествлять совокупность дѣйствій, вытекающихъ изъ этихъ силъ, съ индивидуальностью человека. Ибо, для индивидуальности высшія побужденія, порождаемыя нервными процессами въ полушаріяхъ большого мозга, играютъ тѣмъ большую роль въ опредѣленіи поступковъ, чѣмъ старше становится индивидуумъ. Однако, мнѣ кажется цѣлесообразнымъ охватить вышеупомянутый комплексъ силъ однимъ понятіемъ. Я сдѣлаю это, обозначивъ данный комплексъ какъ біологическій характеръ человека.

Біологическій характеръ составляетъ, такимъ образомъ, почву для тѣхъ особенностей въ ощущеніяхъ и дѣйствіяхъ, для того специфическаго отпечатка во всемъ поведеніи, для того не всегда одинаково выражающагося своеобразія, для тѣхъ постоянно мѣняющихся степеней возбудимости и способности къ реагированію, которыя берутъ свое начало въ инстинктахъ и задаткахъ, имѣющихся также и у звѣрей и, слѣдовательно, проявляющихся помимо высшихъ душевныхъ функций. Соотвѣтствующія этому формы поведения человѣка мы назовемъ біологической индивидуальностью.

Комплексъ силъ біологическаго характера является, въ общемъ, врожденнымъ. Однако, развивающіяся на его основѣ индивидуальности могутъ испытывать различныя модификаціи, смотря по вѣшнимъ обстоятельствамъ, способствующимъ болѣе раннему или болѣе позднему развитію тѣхъ или другихъ задатковъ, и смотря по привычкамъ, которыя порождаются этими обстоятельствами. Ибо, при зависимости вѣхъ физическихъ и психическихъ силъ другъ отъ друга, раннее развитіе какого-нибудь одного инстинкта можетъ оказать такое вліяніе на развитіе остальныхъ, что вопреки одинаковымъ задаткамъ, могутъ получиться въ результатѣ различныя біологическія индивидуальности. Силы, составляющія біологическій характеръ, могутъ въ крайнемъ случаѣ придать единство и твердость отдѣльнымъ сторонамъ человѣческаго существа, но никакъ не цѣлому; да и само постоянство отдѣльныхъ сторонъ измѣняется съ возрастомъ. Я напомню только, что развитіе полового инстинкта и его раннее или позднее исчезновеніе, придаютъ біологической индивидуальности различныя отпечатки. Понятіе темперамента, данное Галеномъ, во многихъ пунктахъ совпадаетъ съ понятіемъ біологической индивидуальности. Комплексу силъ біологическаго характера противостоитъ другой комплексъ, а именно тотъ, благодаря которому воспитаніе получаетъ возможность придавать все болѣе и болѣе опредѣленный и прочный отпечатокъ формамъ и направленію человѣческой дѣятельности. Эта часть врожденныхъ и развивающихся послѣ рожденія свойствъ, на которую долженъ опереться воспитатель, чтобы въ духѣ своего педагогическаго идеала вліять на тенденціи поведенія, проистекающія изъ біологическаго характера. Этотъ комплексъ психическихъ силъ долженъ прежде всего стать объектомъ тщательнаго изученія со стороны воспитателя.

Въ немъ заложены причины неизмѣнимаго различія людей. Онъ опредѣляетъ не только выборъ важнѣйшихъ воспитательныхъ средствъ, но и способъ ихъ примѣненія. Онъ выясняетъ намъ цѣлесообразность нашихъ учебныхъ и воспитательныхъ организацій и позволяетъ намъ опредѣлять границы нашей воспитательной дѣятельности. Только выяснивъ себѣ содержаніе этого понятія, мы поймемъ, что положеніе Шопенгауэра о неизмѣняемости человѣческаго характера ⁶⁾, а слѣдовательно и безцѣльности моральнаго воспитанія, покоится на ошибкѣ. Въ вышеупомянутомъ комплексѣ силъ заложены вспомогательныя тенденціи, которыми можетъ пользоваться воспитатель, чтобы разрабо-

татъ этическій характеръ. Ибо поступки, вызванные инстинктами и чувствами, поскольку они не регулируются разсудкомъ, часто способствуютъ непостоянству въ нашемъ образѣ дѣйствій.

Я назову этотъ комплексъ интеллигибельнымъ характеромъ⁶⁾, хотя, какъ мы увидимъ позже, онъ содержитъ въ себѣ также признаки чувства и воли; ибо въ немъ, главнымъ образомъ, скрываются тѣ силы, которыя исходятъ изъ представленій и изъ нервныхъ процессовъ, лежащихъ въ ихъ основѣ. Интеллигибельный и біологическій характеръ даютъ вмѣстѣ основу для того явленія, которое мы обыкновенно обозначаемъ словомъ индивидуальность. Въ ея цѣломъ она обнимаетъ всѣ тѣ врожденные психическія силы и происходящія изъ нихъ привычки, которыя, смотря по той обстановкѣ, въ которой онѣ развиваются, даже при одинаковыхъ задаткахъ должны давать въ результатѣ различныя индивидуальности. Противоположнымъ этому понятію индивидуальности и является развиваемый при помощи интеллигибельнаго—этическій характеръ, который мы также обозначаемъ словомъ личность.

Эльзенгансъ⁷⁾ называетъ комплексъ, обозначаемый нами здѣсь какъ интеллигибельный характеръ, формальнымъ характеромъ, поскольку здѣсь, по его мнѣнію, дѣло идетъ только о формальныхъ свойствахъ воли. Этому онъ противопоставляетъ матеріальный характеръ, охватывающій свойства воли и направленія послѣдней со стороны содержанія; но мнѣ бы хотѣлось для этого понятія удерживать обычное имя—этическій характеръ.

Мы скоро узнаемъ, что для задачъ воспитанія не только цѣлесообразно, но и фактически необходимо строго различать два понятія «интеллигибельнаго» и «біологическаго» характера, и прежде всего тщательно изучать сущность и основы интеллигибельнаго характера. То обстоятельство, что этого различія до сихъ поръ не проводили, давало поводъ къ путаницѣ и всяческимъ контроверзамъ.

II. Развѣтіе понятія индивидуальности у Шлейермахера и Банзена.

Вплоть до XVIII-го столѣтія понятіе человѣческаго характера покрывалось по существу тѣмъ, что со временъ Галена и Гиппократы было извѣстно подъ именемъ темперамента. Сюда однако входили, главнымъ образомъ, элементы біологическаго характера. Темпераментъ характеризуетъ только эмоціональную сторону, или можно также выразиться, чувствительность психики къ раздраженіямъ и ея склонность реагировать на раздраженія чувствомъ удовольствія или неудовольствія. Холериками называли людей легко раздражающихся и склонныхъ къ аффектамъ неудовольствія, сангвиниками легко раздражающихся, но предрасположенныхъ къ аффектамъ удовольствія; меланхоликами людей, раздражающихся съ трудомъ и реагирующихъ на раздраженіе неудовольствіемъ; флегматиками людей точно также

раздражающихся съ трудомъ и не обладающихъ живыми аффеками, ни положительными ни отрицательными.

Совершенно вѣрно: холерикъ такъ же какъ и сангвиникъ реагируетъ на внѣшнія раздраженія быстро и непосредственно, флегматикъ и меланхоликъ въ общемъ медленно, не сразу. Однако это приблизительно все, что можно сказать для характеристики четырехъ темпераментовъ. Какимъ образомъ протекаетъ у каждого изъ четырехъ темпераментовъ внутренняя реакція на внѣшнее или внутреннее раздраженіе или съ какой силой и твердостью совершаются дѣйствія, объ этомъ важнѣйшемъ признакѣ характера мы остаемся въ полной неизвѣстности. Утверждаютъ впрочемъ, что сангвиникамъ совершенно, а флегматикамъ отчасти не хватаетъ энергіи въ дѣйствіяхъ, въ то время какъ поступки холериковъ и меланхоликовъ отличаются силой и настойчивостью. Но еслибы даже это и было вѣрно, то выше указанное различіе не объясняется одной только разницей темпераментовъ, но зависитъ также и отъ другихъ причинъ; ибо, какъ мы узнаемъ позже, всѣ нашихъ поступковъ не является слѣдствіемъ однихъ лишь особенностей нашей нервной системы, но также главнымъ образомъ тѣхъ силъ, которыхъ слѣдуетъ искать въ вышеупомянутой «seconde couche» Рибо.

Уже Фридрихъ Шлейермахеръ⁸⁾ противопоставляетъ характеръ темпераменту. Совокупность жизни выражается, по его мнѣнію, въ двоякаго рода дѣятельности: проявляющейся во внѣ (спонтанеиной) и воспринимающей или рецептивной. Жизнь представляется ему, какъ «колебанія между воспринимающей и проявляющейся во внѣ дѣятельностью, причемъ всякій разъ мы имѣемъ дѣло съ максимумомъ одной дѣятельности и съ минимумомъ другой; такимъ образомъ все въ цѣломъ представляетъ изъ себя непрерывную циркуляцію, гдѣ воздѣйствія извнѣ пробуждаютъ жизнь въ формѣ воспримчивости, послѣ чего жизнь, повышаясь до степени спонтанеиности, заканчиваетъ проявленіемъ во внѣ и снова ждетъ внѣшнихъ воздѣйствій» (стр. 66). Согласно этому онъ дѣлитъ людей на два большихъ класса, тѣхъ, у которыхъ господствуетъ рецептивность, и тѣхъ, у которыхъ перевѣшиваетъ спонтанеиность, причемъ оба этихъ качества распространяются на всѣ психическія функціи. Это двоякое дѣленіе перекрещивается у него другимъ, гдѣ основаніемъ служитъ различіе медленно и быстро протекающихъ функцій. При этомъ онъ вноситъ въ понятіе характера признакъ, который поздѣе и очевидно совсѣмъ независимо отъ него, подѣлитъ Штернъ⁹⁾, и называлъ «психическимъ темпомъ». Такимъ образомъ Шлейермахеръ приходитъ къ четвероякому дѣленію, которое является для него средствомъ для опредѣленія какъ различій пола (стр. 290), такъ и различій темперамента (стр. 307—311). Выведеннымъ отсюда признакамъ низшаго сознанія онъ противопоставляетъ высшее сознаніе (сознаніе рода, какъ называетъ онъ его въ другомъ мѣстѣ); а въ постоянствѣ, «съ какимъ складывается отношеніе между развивающимся, высшимъ сознаніемъ и другимъ, личнымъ сознаніемъ», лежатъ сущ-

ность характера. Если этого постоянства не наблюдается вовсе, а его мѣсто занимаетъ зависимость отъ измѣняющихся импульсовъ, то передъ нами безхарактерность. Если это постоянство имѣется, но высшее сознание отгѣснено на задній планъ, то на лицо плохой характеръ; въ обратномъ же случаѣ—хорошій (стр. 479). А такъ какъ темпераментъ и составляющія его четыре свойства спонтанейности, рецептивности, медленности и быстрота въ то же время вліяютъ и на дѣятельность высшаго сознанія, то хорошій, такъ же какъ и плохой характеръ, могутъ принимать различныя формы.

Подобно Шлейермахеру Юлій Банзень¹⁰⁾ также пытался свести понятія индивидуальности къ четыремъ основнымъ признакамъ психики. И у него точно также, спонтанейность и рецептивность, (понятія, въ которыя онъ вкладывалъ однако другое содержаніе) являються двумя опредѣляющими признаками. Намѣсто другихъ двухъ признаковъ у него выступаютъ: впечатлительность (*Impressionabilität*) и способность къ реакціямъ (*Reagibilität*). «Спонтанейность, говоритъ онъ (стр. 30), опредѣляетъ состояніе воли до воздѣйствія на нее мотивовъ, слѣдовательно ту склонность къ дѣйствию, которую воля несетъ навстрѣчу мотивамъ». Онъ, такимъ образомъ, въ противоположность Шлейермахеру, распространяющему спонтанейность на всѣ психическія функціи, ограничиваетъ это понятіе заложенными въ человѣкѣ побудительными силами.

«Индивидуальность, обладающая слабой спонтанейностью, стремится возможно дольше пребывать въ бездѣйствіи. Она всегда выжидаетъ приближенія побуждающаго мотива, въ то время какъ индивидуальность съ сильной спонтанейностью сама ищетъ этихъ мотивовъ». «Однако, не всегда можно сказать навѣрно», продолжаетъ онъ далѣе, «что воля, одаренная сильной спонтанейностью, въ то же время обладаетъ свойствомъ быстро воспринимать возникающій передъ нею мотивъ». Это опредѣляется рецептивностью. Рецептивность, такимъ образомъ, есть свойство вообще воспринимать воздѣйствія мотивовъ. Однако, обладаніе этой способностью не говоритъ еще ничего о свойствѣ души сохранять въ себѣ данный мотивъ, или предоставлять ему дѣйствовать далѣе; въ особенности же мало говоритъ это намъ о степени, такъ сказать, проникновенія мотива въ волю. Это опредѣляется третьимъ свойствомъ—впечатлительностью. Однако, даже и то, «что врѣзалось въ глубину сердца», не всегда пробуждаетъ волю къ продолжительной дѣятельности. У человѣка, реакціи котораго непостоянны и непрочны, воля быстро прекращаетъ слѣдовать голосу какого-либо возникшаго мотива. Въ то время, какъ подъ впечатлительностью Банзень понимаетъ способность болѣе или менѣе глубоко воспринимать воздѣйствія внѣшняго міра, реактивностью (*Reagibilität*) онъ обозначаетъ «ту степень интенсивности, съ которой воля приводится въ дѣйствіе уже воспринятымъ мотивомъ, а также и зависящую отъ этой интенсивности большую или меньшую продолжительность активнаго состоянія воли». Человѣкъ съ глубокой впечатлительностью, полагаетъ Банзень, можетъ подобно губкѣ, такъ сказать, впи-

тать въ себя цѣлую массу впечатлѣній, а вся его реакція будетъ состоятъ лишь въ томъ, чтобы подобно губкѣ опускаться внизъ и оставаться неподвижнымъ. Реактивность является однимъ изъ важнѣйшихъ, безусловно необходимыхъ качествъ человѣка. Принимая во вниманіе прежде всего моментъ большей или меньшей реактивности, Банзень сравниваетъ меланхолика или съ мягкимъ шаромъ изъ влажной глины, или, во второмъ случаѣ, съ полымъ шаромъ изъ тонкой гуттаперчи, сангвиника—съ массивнымъ резиновымъ мячикомъ, холерика—съ бильярднымъ шаромъ изъ слоновой кости и, наконецъ, флегматика—съ дуговымъ кегельнымъ шаромъ.

Слабость предложеннаго дѣленія душевныхъ качествъ, опредѣляющихъ характеръ, совершенно ясна. Прежде всего нельзя извѣстное душевное состояніе называть волей въ томъ случаѣ, когда на лицо нѣтъ объекта воли; спонтанейностью, однако, онъ называетъ состояніе воли до воздѣйствія на нее предмета желанья. Воля же есть стремленіе сопровождаемое сознаніемъ, что то, къ чему мы стремимся, можетъ быть достигнуто нашей личной работой (Вильямъ Джемсъ). То, что имѣетъ въ виду Банзень, есть не что иное какъ болѣе или менѣе сильная потребность дѣятельности, которую можно наблюдать у всѣхъ нормальныхъ людей, въ особенности у всѣхъ здоровыхъ дѣтей, стремленіе къ какому-нибудь дѣйствию. Здѣсь передъ нами настолько элементарное состояніе сознанія, что оно не поддается дальнѣйшему опредѣленію. Сама по себѣ способность эта является, однако, фактически существеннымъ признакомъ психологическаго характера. Напротивъ того, человѣкъ, съ сильной спонтанейностью въ смыслѣ Банзена, т. е. съ сильнымъ врожденнымъ стремленіемъ къ дѣятельности, всегда глубоко восприметъ подходящій для него мотивъ и будетъ слѣдовать ему, слѣдовательно окажется обладающимъ рецептивностью въ смыслѣ Банзена. Во всякомъ случаѣ, нельзя утверждать, что спонтанейность и рецептивность являются совершенно независимыми другъ отъ друга свойствами. Столь же неправильно утвержденіе, будто рецептивность независима отъ реактивности. Ибо, откуда я узнаю, производятъ ли данные мотивы какое-нибудь впечатлѣніе на человѣка, если онъ на нихъ не реагируетъ. Однако, реакція вовсе не должна быть непременно вѣшной, но очень многія впечатлѣнія порождаютъ реакціи, остающіяся скрытыми отъ постороннихъ глазъ. Такъ же и впечатлительность, т. е. глубина впечатлѣнія не можетъ быть отдѣлима отъ реактивности. Ибо, соединеніе дѣйствительно глубокой впечатлительности съ поверхностными и непостоянными реакціями, кажется мнѣ противорѣчіемъ. Вещи, которыя заполняютъ собой всю мою душу, которыя возбуждаютъ все мое внутреннее я, должны привести къ какой-нибудь продолжительной реакціи. Банзень, въ примѣчаніи на страницѣ 28, приводитъ въ доказательство возможности такого соединенія слѣдующіе типы: сентиментальный фантастъ, вѣчный спорщикъ, апатичный мечтатель, быстро выдыхающійся энтузіастъ. Однако, сентиментальный фантастъ едва ли страдаетъ глубокой впечатлительностью, по крайнѣй мѣрѣ этого